

УДК 811.161.1'37

НАЦИОНАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ МОДЕЛИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: К ПРОБЛЕМЕ КОМПЛЕКСНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

© 2020 г.

*И.А. Кузнецов*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород
Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева, Москва

igorkuznetz@gmail.com

Поступила в редакцию

Обосновываются методология и методы комплексного лингвокультурологического анализа национально-обусловленных моделей диалогической коммуникации в современной русской речи. Цель работы – продемонстрировать возможности разработанной методики лингвокультурологического описания русских двучленных диалогических единств фатического типа в условиях непринужденного неформального обиходного речевого взаимодействия. Исследование основано на положениях теории кросс-культурной коммуникации, идеях анализа «культурных скриптов» и описания «языка культуры» как этноспецифической модели языковой концептуализации мира. В результате исследования выявлены три класса моделей фатической диалогической коммуникации в русской речи: кооперативные, некооперативные конфликтные и некооперативные манипулятивные модели двучленных диалогических единств, которые, в соответствии с реализуемой в речевом взаимодействии функцией, в свою очередь, делятся на единства регулятивного и организационного (метакоммуникативного) типов.

Ключевые слова: диалог, фатическая коммуникация, методы комплексного анализа, национально-обусловленные модели, лингвокультурология, современная русская речь.

Сама возможность понимания диалогического взаимодействия в рамках национально-культурной обусловленности в современном диалоговедении становится предметом внимания исследователей примерно с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. в рамках становления антропоцентрической парадигмы в гуманитарном знании на лингвокогнитивной и коммуникативно-дискурсивной основе. Методологической основой предпринятого в работе лингвокультурологического описания национально-обусловленных фатических двучленных диалогических единств являются положения теории кросс-культурной коммуникации, заложенные в работах Э. Холла и др. [1; 2 и др.], принципы лингвистического анализа «культурных скриптов» А. Вежбицкой. Последние представляют собой культурно обусловленные сценарии – одно или несколько предложений, сформулированных на разработанном ею метаязыке «семантических примитивов» и показывающих, как в разных культурах существуют разные установки по поводу того, как выражать свои мысли и чувства и как на этой основе говорить с собеседником [3]. Используются также идеи этнообусловленной языковой концептуализации мира [4–7 и др.]. В частности, в работах Т.Б. Радбиля обосновывается наличие особых национально-обусловленных речеповеденческих моделей как репрезентантов особого, коммуникативно-

прагматического, уровня национального менталитета, в число которых входят в качестве основного компонента и модели диалогической коммуникации [8].

Таким образом, цель исследования – продемонстрировать возможности разработанной нами комплексной методики лингвокультурологического анализа национально-обусловленных моделей диалогической коммуникации в русской речи на примере двучленных диалогических единств фатического типа в условиях непринужденного неформального обиходного речевого взаимодействия.

В учебном пособии В.В. Красных «Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология» [9] указывается, что этнопсихологи различают **высококонтекстные** и **низкоконтекстные** культуры в зависимости от того, на что обращается большее внимание – на содержание сообщения, т. е. *что* говорится, или на «контекст» общения, т. е. *как* говорится, *с кем* и *в какой ситуации* происходит общение. По этому признаку (в том числе) противопоставляются, например, культуры «индивидуалистические западные» и «коллективистские», к числу которых относятся многие восточные культуры. Например, в низкоконтекстных культурах акцент делается на содержание общения, на информативность речевого взаимодействия. Для ситуативно обусловленных и контекстно ориентированных культур,

напротив, характерна значительная неконкретность и неопределенность дискурса, желание избегать категоричности в речи. Думается, что указанные различия не могут не влиять на характер диалогического взаимодействия в разных лингвокультурах.

Таким образом, в современном диалоговедении возникает лингвокультурологическое направление в анализе диалогов, в основе которого лежит положение, сформулированное в афористической форме Т.В. Матвеевой: «Непринужденные диалоги в их совокупности создают ту или иную атмосферу, тот воздух общения, который характеризует нацию в целом» [10, с. 123]. О неповторимой эмоциональной тональности русского дискурса, об особой ауре высказываний на русском языке говорит и А. Вежбицкая [3]. На этой основе можно поставить вопрос о национальном своеобразии совокупного речевого общения в целом, как это делается в работе Н.Д. Арутюновой «Национальное сознание, язык, стиль» [11, с. 32–33], и отдельных видов общения [5; 8].

Дискурс в целом и диалогический дискурс в частности, будучи отражением представлений о мире, ценностных приоритетов и речеведческих установок носителей языка, не может не быть национально и культурно обусловленным [5; 9; 12; 13 и др.]. Примечательна в этой связи и сама постановка вопроса о «коммуникативных ценностях русской культуры» [14], которые являются неотъемлемой частью дискурсивных практик этноса и в силу этого проявляются на всех уровнях диалогического взаимодействия (выражение позиции говорящего, адресованность, имплицатуры дискурса, пресуппозиции и инференции как способы выражения невербальной стороны коммуникативной ситуации и пр.).

В методологических целях в настоящей работе разводятся понятия *национальная специфика (специфичность)* и *национальная обусловленность*. Различение этих понятий осуществляется в духе положений, развиваемых в коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [5].

Национальная специфика того или иного явления языка и речи состоит в его уникальности на когнитивном, коммуникативном или вербальном уровне, в так называемой «безэквивалентности», т. е. в отсутствии прямых соответствий в других лингвокультурах, что выявляется в обязательных межъязыковых сопоставлениях фактов разных языков.

Национальная обусловленность того или иного явления языка и речи, в свою очередь, заключается в том, что оно может быть выведено из каких-либо идей или принципов национальной языковой концептуализации мира, си-

стемы этнических идеалов и ценностей, речеведческих стереотипов и установок или каким-то иным образом соотносено с ними, независимо от того, имеет ли данное явление соответствие в других языках и культурах или не имеет. В этом случае, наряду с межъязыковым сопоставлением, используется внутриязыковое сопоставление диахронического типа (состояний системы в разные хронологические периоды) или синхронического типа (разных уровней языка и его речевой реализации, разных стилей и дискурсивных практик и пр.), а также другой тип методов (когнитивный анализ, дискурсивный анализ, функциональный анализ и пр.).

В случае национальной обусловленности уникальным может быть не само явление (например, представление о судьбе в русской ментальности), а «конфигурация смыслов» [5; 8; 12] и культурно-фоновых ассоциаций, стоящих за данным явлением и выражающихся на разных участках языковой системы. Поэтому для того чтобы обосновать концепцию исследования национально-обусловленных моделей диалога, надо сначала эмпирическим путем задать тот круг идей и представлений, которые мы предположительно будем искать в моделях диалогического взаимодействия, присущих русской речи.

В работах А. Вежбицкой очерчен примерный круг представлений, которые формируют «семантический универсум» русского языка: иррациональность, неагентивность, тяготение к представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъектной ответственности за событие, «моральная страстность», «практический идеализм» и пр. [3, с. 33–37 и далее]. Более детально концепция ключевых идей русской языковой картины мира представлена в коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [5].

Авторы выделяют восемь «ключевых идей», в числе которых следующие: 1. Идея непредсказуемости мира (*а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, постараюсь; угораздило; добираться; счастье*); 2. Представление, что главное – это собраться (чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно) (*собираться, заодно*); 3. Представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо было большое пространство снаружи; однако если это пространство необжитое, то это тоже создаст внутренний дискомфорт (*удаль, воля, раздолье, размах, ширь, широта души, маяться, неприкаянный, добираться*); 4. Внимание к ню-

ансам человеческих отношений (*общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться*); 5. Идея справедливости (*справедливость, правда, обида*); 6. Оппозиция «высокое – низкое» (*быт – бытие, истина – правда, долг – обязанность, добро – благо, радость – удовольствие; счастье*); 7. Идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует (*искренний, хохотать, душа нараспашку*); 8. Идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды (*расчетливый, мелочный, удаль, размах*) [5, с. 11].

В работах [8; 15; 16 и др.] указанные положения были обобщены в ряд лингвокультурологических параметров, по которым предлагается судить о национальной обусловленности того или иного явления в русском языке и речи. Назовем некоторые из них, наиболее репрезентативные в плане нашего исследования:

- установка на эмпатию [3; 8];
- чрезмерная гиперболизация в языковой концептуализации ситуации [8; 16];
- гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой [3]),
- острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии (на «пошлость» [5]);
- соотносительность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом [17];
- ироническое «остранение» карнавального типа и пр. [16; 17];
- неконтролируемость и неагентивность [3];
- иррациональность и ощущение неподвластности человеку хода событий [3; 5] и др.

Эти и некоторые другие черты обнаруживаются и в моделях диалогического взаимодействия в речевой практике носителей современного русского языка.

Особое внимание не к содержательной, а к межличностной стороне речевой коммуникации, согласно А. Вежбицкой, вообще является яркой национально-специфичной чертой именно русских моделей речевого взаимодействия. Это может свидетельствовать об ориентации «совокупного мира дискурса» русских людей на высококонтекстный тип культуры [9] и проявляется, с одной стороны, в ориентации участников диалога на поддержание «эмоционального градус» общения, а с другой – в их тяготении к категорическим моральным суждениям и, как следствие, к постоянному «выяснению отношений» [3].

В целях нашего исследования принципиально важно различать **информативную** и **фати-**

ческую коммуникацию в духе работы [18]. Применительно к нашему материалу стандартный диалог типа: – *Откуда ты идешь?* // – *Из библиотеки*, – трактуется как информативный, а диалог типа: – *Откуда ты идешь?* // – *Да от туда!* (с соответствующей просодией), рассматривается как фатический, потенциально некооперативный (конфликтный). В нашей работе рассматриваются только модели фатической коммуникации как кооперативного, так и некооперативного типов: последний включает такие разновидности, как модели конфликтной и модели манипулятивной коммуникации. Модели коммуникации на уровне каждого из трех классов демонстрируют рефлексы возможной национальной и культурной обусловленности на разных уровнях диалога.

Еще одна важная для целей предпринятого исследования классификация – это деление фатических диалогов по функции на *регулятивный* и *организационный* (*метакоммуникативный*) типы речевых взаимодействий [19; 20]. Под регулятивным типом понимается иллокутивно вынужденная или невынужденная реакция на иллокутивную функцию инициальной реплики (предоставление/непредоставление запрашиваемой информации, уточнение, переспрос, выражение отношения, выполнение просьбы, согласие/несогласие, разные типы оценочных реакций и пр.: – *Тяжело тебе вчера пришлось?* // – *А ты как думаешь?* Под метакоммуникативным типом понимается реакция «выхода на метаяровень», т. е. псевдотавтологическая вербализация в ответе иллокутивной силы инициальной реплики или самого факта говорения: – *Ты идешь завтра с нами?* // – *Спрашиваешь...* Примечательно, что во всех приведенных выше ответных репликах соответствующая функция обязательно выражается просодическими средствами – особой интонацией реплики-реакции, что отличает ее от высказываний в режиме прямого косвенного акта: *А ты как думаешь?*; *Спрашиваешь?* – в роли стандартных вопросов, служащих цели получения недостающей информации (в этих случаях, кстати, и фатическая коммуникация уступает место «нормальной», информативной).

Контуры исследовательской программы комплексного описания национально-обусловленных моделей фатического диалогического взаимодействия в русской речи намечены в работе Т.Б. Радбиля «Имплицитур дискурса в национально-обусловленных моделях фатической коммуникации в русской разговорной речи» [8, с. 118–124].

Исследователь рассматривает явления типизированных инициальных и ответных реплик в

минимальном (двучленном) диалогическом единстве через призму отношений иллокутивного вынуждения, которые, в концепции исследователя, сами по себе имеют национально-обусловленный характер: «В интересующих нас моделях диалогических единств «иллокутивная вынужденность» имеет чисто формальный характер: на вопрос следует формальный ответ, на предложение – формальное согласие или отказ, на выражение какой-то мысли – формальное подтверждение» [8, с. 118].

Примером подобных единств могут быть псевдотавтологические вопросно-ответные единства типа: – *Почему ты вчера не пришел? // Потому...* – Под псевдотавтологическими диалогическими единствами понимаются единства, в которых ответная реплика на внешнем, языковом уровне либо повторяет (полностью или частично) какой-либо словесный фрагмент предыдущей реплики, либо отражает какой-либо иной вид языковой избыточности, но при этом на уровне импликатур дискурса выводится нетривиальная информация (о подобных тавтологиях см. работы [3; 5]). См., например, диалог: – *Почему ты не спишь? // – Не спится...* – который внешне тавтологичен, но в ответе, в его имплицитном компоненте, содержится нетривиальная информация о причинах состояния адресата.

Вынужденность реплик в подобных единствах определяется не содержанием и не условиями коммуникации, а культурными конвенциями фатического взаимодействия – в смысле «именно так принято отвечать на поставленные подобным образом вопросы в данной лингвокультуре»: по мысли Т.Б. Радбиля, «...ответная реплика в таких случаях порождается специфической, порою негативной реакцией адресата не на пропозициональное содержание реплики инициатора, а на его личность, на свое или его психологическое состояние, настроение» [8, с. 118–119].

Комплексность предпринятого исследования выражается в том, что анализируются коммуникативные, иллокутивные, прагмасемантические и структурные особенности импликатур дискурса в их единстве. Вот пример типизированной ответной реакции на инициальную реплику с иллокутивной силой сообщения: – *А я вчера наконец в отпуск ушел! // – Хорошо тебе...* Подобное единство обладает рядом примечательных коммуникативных, функциональных, семантических и структурных свойств:

1) с коммуникативной точки зрения это всегда неформальная реакция особого типа на речь говорящего или ситуацию, созданную говорящим, в ситуации неформального общения, при которой речь говорящего или ситуация, со-

зданная говорящим, должны как-то задевать отвечающего, во всяком случае – как-то затрагивать его интенциональную сферу, осознаваться, что называется, как «лично-близкие» для него;

2) с точки зрения иллокутивной функции это всегда экспрессивно-оценочная реакция сложной природы, которая выражает не столько оценку адресатом конкретной речи или ситуации в сфере говорящего, сколько позицию самого адресата, его настроение (нежелание развивать тему, предложенную говорящим, уход от ее обсуждения и пр.);

3) с точки зрения прагмасемантической это типичная импликатура дискурса, которая, в зависимости от ситуации, может иметь целый спектр нерасчлененных выводных смыслов эмоционально-личностного характера – от сожаления или даже разочарования до легкой зависти с оттенком упрека;

4) с точки зрения структурной всегда характеризуется особой просодией, особым интонационным контуром с эмфатическим выделением сегмента *хорошо* (с повышением интонации), а также обязательным ограничением на заполнение актанта валентности – невозможностью иметь в качестве актанта дейктический показатель I лица (возможно: *Хорошо тебе / вам / ему / ей / им / Мише* и пр., но нельзя: **Хорошо мне / нам*); кроме того, для выражения этого значения обязательен и фиксированный порядок слов (обратный порядок *Тебе хорошо* разрушает идиоматичность в выражении требуемого смысла).

Так же анализируются специфические реакции адресата – псевдотавтологическая вербализация иллокутивной силы иницирующей реплики, например, в форме вопроса (– *Спрашиваешь...*) или метаязыковой модальной рамки, обязательной для любого говорящего в инициальной реплике – ‘Я говорю тебе, что...’ (– *Скажешь тоже...*) и пр.

Подобные явления характерны для всех выделяемых нами трех классов национально-обусловленных моделей фатических двучленных диалогических единств в русской речи:

1) фатическая кооперативная коммуникация (ответные реплики усиливающего подтверждения типа, с определенной просодией: – *Да, тяжела у тебя работа! // – И не говори...*; – *Трудно тебе пришлось? // – И не спрашивай...* и пр.);

2) фатическая некооперативная коммуникация – с двумя ее разновидностями:

– конфликтная (ответные реплики «выяснения отношений» типа: – *Что-то ты сказал?!; – Не тебе об этом говорить!; – Кто ты такой, чтобы об этом говорить?; – И зачем ты мне это говоришь!?* и пр.);

– манипулятивная (ответные реплики манипулятивного ухода от обсуждаемой проблемы, поставленной первым говорящим и реально значимой для него, типа: – *Стоит ли об этом говорить?*; – *О чем тут говорить?*; – *Что тут обсуждать?*; – *Не о чем тут говорить...*; – *Нечего тут обсуждать...* и пр.).

Дальнейшее развитие и обогащение предложенной выше исследовательской модели позволяет нам обосновать методику комплексного описания национально-обусловленных форм фатического кооперативного и некооперативного (конфликтного и манипулятивного) диалогического взаимодействия в речевой практике носителей русского языка.

Список литературы

- Hall E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder & Jahr, 1983. 100 p.
- Hurn V.J., Tomalin V. Cross-Cultural Communication. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 308 p.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
- Радбиль Т.Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») // Русистика сегодня. 1999. № 3-4. С. 66–83.
- Радбиль Т.Б. Языковая аномалия как норма художественного дискурса // Филологические науки. 2006. № 6. С. 50–58.
- Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимодействия. М.: ЯСК, 2017. 592 с.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- Матвеева Т.В. Ведение диалога как сфера лингвоэкологии // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 121–131.
- Арутюнова Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы Междунар. конф.: В 2 т. Т. I. М., 1995. С. 32–33.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
- Карасик В.И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже веков. Человек и его дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. Ю.А. Сорокина, М.Р. Желтухиной; Ин-т языкознания РАН. М., 2003. С. 24–45.
- Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.
- Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В. [и др.]. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Кол. монография. М., 2014. С. 134–221.
- Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
- Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Щеникова Е.В. [и др.]. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: Кол. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 232 с.
- Винокур Т.Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М., 1993. С. 5–29.
- Иванова Е.А. Лексические пограничные маркеры минимальных диалогических единиц: Дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999. 169 с.
- Викторова Е.Ю. Функционирование дискурсивных слов с диффузным значением // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 27–34.

NATIONALITY-SPECIFIC MODELS OF DIALOGIC COMMUNICATION IN MODERN RUSSIAN SPEECH: THE PROBLEM OF COMPLEX LINGUO-CULTUROLOGICAL DESCRIPTION

A.I. Kuznetsov

In this article, we substantiate the methodology and methods of complex linguocultural analysis of nationality-specific models of dialogic communication in modern Russian speech. The aim of this work is to demonstrate some potentialities of the proposed complex methods for linguo-culturological description of Russian phatic two-part dialogic adjacency pairs in conditions of informal everyday speech interaction. The study is based on the provisions of the theory of cross-cultural communication, the ideas of analysis of «cultural scripts» and description of «the language of culture» as an ethno-specific model of language conceptualization of the world. As a result of the research, three classes of models of phatic dialogic communication in Russian speech were revealed: cooperative, non-cooperative conflict and non-cooperative manipulative models of two-part dialogic unity. In turn, according to the function realized in speech interaction, they can be classified into unities of regulatory and organizational (meta-communicative) types.

Keywords: dialogue, phatic communication, methods of complex analysis, national-specific models, linguo-culturology, modern Russian speech.

References

1. Hall E.T. Hidden Differences: Studies in International Communication. Hamburg: Grunder & Jahr, 1983. 100 p.
2. Hurn B.J., Tomalin B. Cross-Cultural Communication. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 308 p.
3. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie / Per. s angl.; otv. red. i sost. M.A. Krongauz. M.: Russkie slovari, 1997. 416 s.
4. Apresyan Yu.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy yazykoznaneya. 1995. № 1. S. 37–67.
5. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira: Sb. st. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 544 s.
6. Radbil' T.B. Geroj Andreya Platonova kak yazykovaya lichnost' (obraz Fomy Puhova v «Sokrovennom cheloveke») // Rusistika segodnya. 1999. № 3–4. S. 66–83.
7. Radbil' T.B. Yazykovaya anomalija kak norma hudozhestvennogo diskursa // Filologicheskie nauki. 2006. № 6. S. 50–58.
8. Radbil' T.B. Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya. M.: YaSK, 2017. 592 s.
9. Krasnyh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lekcij. M.: Gnozis, 2002. 284 s.
10. Matveeva T.V. Vedenie dialoga kak sfera lingvoekologii // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2014. № 2. S. 121–131.
11. Arutyunova N.D. Nacional'noe soznanie, yazyk, stil // Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy: Tezisy Mezhdunar. konf.: V 2 t. T. I. M., 1995. S. 32–33.
12. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1997. 576 s.
13. Karasik V.I. Rechevoe povedenie i tipy yazykovyh lichnostej // Massovaya kul'tura na rubezhe vekov. Chelovek i ego diskurs: Sb. nauch. tr. / Pod red. Yu.A. Sorokina, M.R. Zheltuhinoy; In-t yazykoznaneya RAN. M., 2003. S. 24–45.
14. Dement'ev V.V. Kommunikativnye cennosti russkoj kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike. M.: Global Kom, 2013. 336 s.
15. Radbil' T.B., Marinova E.V., Raciburskaya L.V. [i dr.]. Novye tendencii v russkom yazyke nachala XXI veka: Kol. monografiya. M., 2014. S. 134–221.
16. Radbil' T.B., Raciburskaya L.V. Slovoobrazovatel'nye innovacii na baze zaimstvovannyh elementov v sovremennom russkom yazyke: lingvokul'turologicheskij aspekt // Mir russkogo slova. 2017. № 2. S. 33–39.
17. Radbil' T.B., Raciburskaya L.V., Shchenikova E.V. [i dr.]. Sociokul'turnye i pragmaticheskie aspekty sovremennyh slovoobrazovatel'nyh processov: Kol. monografiya / Pod red. L.V. Raciburskoj. M.: FLINTA: Nauka, 2018. 232 s.
18. Vinokur T.G. Informativnaya i faticheskaya rech' kak obnaruzhenie raznyh kommunikativnyh namerenij govoryashchego i slushayushchego // Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt / Pod red. E.A. Zemskoj, D.N. Shmeleva; Rossijskaya akad. nauk, In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. M., 1993. S. 5–29.
19. Ivanova E.A. Leksicheskie pogranichnye markery minimal'nyh dialogicheskikh edinic: Dis. ... kand. filol. nauk. MGU im. M.V. Lomonosova. M., 1999. 169 s.
20. Viktorova E.Yu. Funkcionirovanie diskursivnyh slov s diffuznym znacheniem // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 383. S. 27–34.